

ФЕРРОМАГНЕТИЗМ ПРИ КОМНАТНОЙ ТЕМПЕРАТУРЕ В ПОРОШКАХ ДИОКСИДА ЦЕРИЯ

Р. М. Рахматуллин*, В. В. Павлов, В. В. Семашко, С. Л. Кораблева

*Институт физики, Казанский федеральный университет
420008, Казань, Россия*

Поступила в редакцию 29 января 2015 г.

Ферромагнетизм при комнатной температуре обнаружен в порошке CeO_2 с размером зерен приблизительно 35 нм и с небольшим (< 0.1 ат. %) содержанием марганца и железа. Установлено, что в образце CeO_2 с субмикронным размером кристаллитов, содержащих такую же концентрацию примеси марганца и железа, обнаруженный ферромагнетизм на порядок слабее, чем в случае нанокристаллического образца. Помимо ферромагнетизма, в обоих образцах наблюдаются спектры ЭПР от локализованных парамагнитных центров, концентрация которых меньше 0.01 ат. %. Сравнительный анализ результатов исследованных образцов показывает, что механизм обменно-взаимодействующих F-центров (FCE) не может быть причиной возникновения ферромагнетизма. Этот вывод согласуется с недавно предложенной моделью ферромагнетизма, обусловленного переносом заряда.

DOI: 10.7868/S0044451015080155

1. ВВЕДЕНИЕ

В последнее время диоксид церия (CeO_2) является объектом интенсивных исследований различными методами. Это обусловлено перспективностью материалов, синтезируемых на основе CeO_2 , для применения в качестве катализаторов и твердопливных элементов в энергетике [1–3], модулей солнечных батарей [4], а также для биомедицинских целей [5, 6]. Все многообразие применений основано на уникальных свойствах CeO_2 поглощать или выделять кислород в зависимости от внешних условий. В чистом CeO_2 этот процесс связан с изменением степени окисления иона церия между Ce^{4+} и Ce^{3+} и образованием кислородной вакансии в кристаллической решетке с потерей кислорода или/и его электронов [1].

Недавно открытый ферромагнетизм при комнатной температуре в нанокристаллах и пленках на основе диоксида церия [7] стимулировал новое направление исследований, связанное с возможным применением этих материалов в спинтронике. Природа ферромагнетизма в нанокристаллах CeO_2 до настоящего времени неясна, в экспериментальных

и теоретических работах приводятся противоречивые результаты. Авторы работы [7] предположили, что ферромагнетизм в нанокристаллах CeO_2 объясняется обменным взаимодействием неспаренных электронов, захваченных кислородными вакансиями (F⁺-центры). Авторы работы [8] на основании экспериментальных и теоретических исследований предположили, что ферромагнетизм обусловлен взаимодействием точечных дефектов (вакансий церия и кислорода). В работе [9] возникновение ферромагнетизма связывают с повышенной концентрацией ионов Ce^{3+} на поверхностях наночастиц. Теоретические работы на основе расчета функционалов плотности (DFT), например [8–10], также приходят к противоречивым выводам. Общепринятая модель обменно-взаимодействующих F-центров (FCE) является разновидностью модели взаимодействующих магнитных поляронов (ВМП) [11], которая согласно некоторым публикациям [12, 13] не может приводить к ферромагнетизму без привлечения механизмов прямого обменного взаимодействия между ионами. Недавно в работах [14, 15] предложен новый механизм образования ферромагнетизма, основанный на модели переноса заряда (CTF — charge-transfer ferromagnetism), для подтверждения которого необходимы дополнительные эксперименты.

Прогресс в понимании природы ферромагнетизма в нанокристаллах CeO_2 может быть достигнут

*E-mail: rrahmat@kpfu.ru

применением комплексных методов исследования, среди которых выделяется метод электронного парамагнитного резонанса (ЭПР). Этот метод особенно подходит для исследования роли F-центров в формировании ферромагнетизма. В применении к исследованию ферромагнетизма метод ЭПР чаще называют методом электронного магнитного резонанса, который успешно применяется для исследования магнитных наночастиц [16–18]. Недавно методом ЭПР исследован ферромагнетизм в нанокристаллах CeO_2 с примесью ионов Ni (содержание Ni более 1 %) и Co (содержание Co 5 %) [19, 20]. Ферромагнетизм в чистых или содержащих неконтролируемую примесь парамагнитных ионов порошках CeO_2 методом ЭПР не исследовался.

В данной работе мы представляем результаты исследования двух номинально чистых порошков CeO_2 , различающихся размером зерен порошка — нанометровым и субмикронным. В образце с нанометровым размером зерен (≈ 35 нм) обнаружен ферромагнетизм при комнатной температуре, который сравним по величине намагниченности с опубликованными ранее результатами для образцов диоксида церия [7–10]. Цель нашей работы — прояснить природу ферромагнетизма в диоксиде церия с помощью комплексных исследований, включающих в себя методы ЭПР и оптической спектроскопии.

2. ОБРАЗЦЫ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

В предлагаемой работе исследовались промышленные образцы порошков диоксида церия с чистотой 99.9 %. Образцы несколько различались по цвету, образец S1 был светло-серого цвета, образец S2 — белого цвета с желтым оттенком. Содержание примесей редкоземельных металлов и металлов группы железа составляло менее 0.1 wt %. В качестве референтного образца при исследовании спектрально-люминесцентных характеристик использовался монокристалл CeO_2 с примесью Mn^{2+} и Pr^{3+} (образец S3).

Структурные характеристики образцов и оценка их размеров были исследованы с помощью рентгеновского порошкового дифрактометра Bruker D8 Advance с применением медного K_α -излучения ($\lambda = 1.5418 \text{ \AA}$) в геометрии Брэгга–Брентано. Скорость сканирования составляла 0.15° в минуту в диапазоне углов $2\Theta = 20^\circ\text{--}80^\circ$. Шаг измерений составлял 0.015° .

Элементный анализ образцов проводился с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра «Спектроскан» (Санкт-Петербург).

Намагниченность измерялась при комнатной температуре с помощью вибрационного магнитометра, входящего в состав многофункциональной системы измерения физических свойств веществ PPMS-9 в центре коллективного пользования Казанского университета.

Спектры ЭПР измерялись на спектрометре фирмы Bruker ESP 300, работающем в X-диапазоне частот (9–10 ГГц). Для получения низких температур использовалась система гелиевой продувки Oxford Instrument. При записи спектров применялась стандартная модуляция с частотой 100 КГц.

При регистрации спектров люминесценции в качестве источника излучения возбуждения использовалась четвертая гармоника ($\lambda_{exc} = 266$ нм) лазера YAG:Nd. Длительность импульса и частота повторения возбуждающего излучения составляли соответственно 15 нс и 10 Гц. Регистрация спектров осуществлялась с помощью спектрометра StellarNet со спектральным разрешением 0.5 нм.

3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Дифрактограммы, представленные на рис. 1, показали, что все образцы имеют кубическую кристаллическую структуру флюорита (пространственная группа $Fm\bar{3}m$). Параметр элементарной ячейки a соответствует макроскопическим кристаллам и составляет $a = 5.41(1) \text{ \AA}$. Наличие других фаз не обнаружено. Размеры частиц в порошках определялись согласно уравнению Шеррера

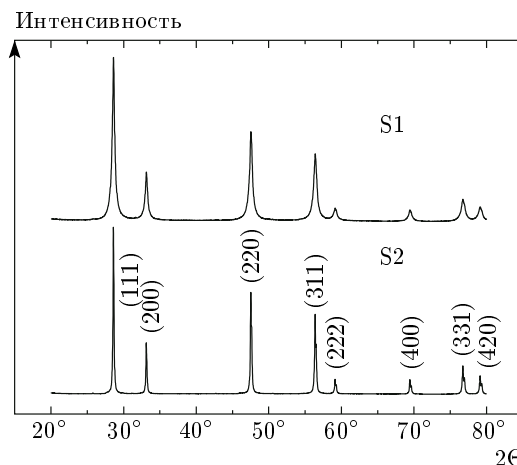

Рис. 1. Порошковые дифрактограммы исследуемых образцов S1 и S2

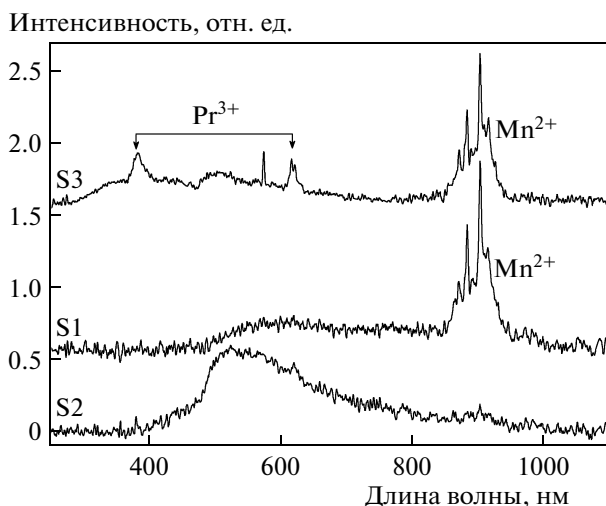

Рис. 2. Спектры люминесценции исследуемых образцов S1, S2 и референтного образца S3; $T = 300$ К, $\lambda_{exc} = 266$ нм

$$d = \frac{0.941\lambda}{B \cos \theta_B},$$

где d — средний размер частицы, B — ширина на полувысоте дифракционного пика, λ — длина волны K_{α} -излучения, θ_B — угол дифракции рентгеновских лучей. Было установлено, что размер кристаллитов образца S1 $d \approx 35$ нм, образца S2 — $d \geq 200$ нм.

Рентгенофлуоресцентный анализ (РФА) образцов показал, что в обоих образцах имеется примесь марганца примерно равной концентрации (< 0.1 wt %). Кроме того, в обоих образцах имеется примесь железа, концентрация которого существенно меньше концентрации марганца, причем в образце S1 его концентрация несколько меньше, чем в образце S2.

На рис. 2 представлены спектры люминесценции образцов S1 и S2 и монокристалла CeO_2 с примесью ионов Mn^{2+} (0.01 ат. %), Pr^{3+} (1 ат. %) (образец S3) при возбуждении излучением с длиной волны $\lambda_{exc} = 266$ нм. Ширина оптической запрещенной зоны для кристалла CeO_2 составляет около 3.15 эВ [21], поэтому возбуждение на длине волны 266 нм приводит к переходам между валентной зоной, образованной $2p$ -состояниями O^{2-} , и зоной проводимости, сформированной $4f$ - и $5d$ -состояниями Ce^{4+} .

В результате удается наблюдать люминесценцию, обусловленную рекомбинационными процессами, $5d$ – $4f$ -люминесценцию ионов Ce^{3+} , а также получается достаточно эффективно возбуждать люминесценцию подавляющего большинства примесных ионов в образцах. Полученный результат хорошо со-

гласуется с результатами исследований люминесценции в нанопорошках и тонких пленках CeO_2 [22–24]. Как видно из рис. 2, в образцах S1 и S3 обнаруживается интенсивная люминесценция в ближней ИК-области спектра (≈ 900 нм), которая обусловлена оптическими переходами ионов Mn^{2+} . В образце S2 люминесценция ионов Mn^{2+} примерно на два порядка меньше по интенсивности. Учитывая, что содержание марганца по данным РФА в образцах S1 и S2 примерно одинаково, различие в спектрах люминесценции, вероятно, обусловлено тем, что в образце S2 марганец преимущественно находится в трехвалентном состоянии. Возможность наличия марганца с разной валентностью в CeO_2 показана, например, в работе [25].

Результаты измерения намагниченности в зависимости от величины магнитного поля B для образцов S1 и S2 показаны на рис. 3. В образце S1 (рис. 3а) наблюдается петля гистерезиса. Величина остаточной намагниченности порядка 10 мТл. Таким образом, в этом образце имеется ферромагнетизм, сравнимый по величине с опубликованными данными для образцов CeO_2 со значительно меньшими размерами зерен порошка [7, 9, 10].

В образце S2 ферромагнетизм на порядок слабее (рис. 3б). В зависимости намагниченности от поля в обоих образцах имеется существенный парамагнитный вклад.

ЭПР-измерения показали наличие парамагнитных примесей в обоих исследуемых образцах. Спектр ЭПР образца S1, зарегистрированный при 80 К, представлен на рис. 4. Интенсивные линии, наблюдаемые в спектре ЭПР, характерны для ионов Mn^{2+} . Спектры ЭПР ионов марганца в кристаллах и порошках CeO_2 исследовались ранее в работах [25–27]. Так, в работе [26] в кристаллах CeO_2 было обнаружено два типа кубических центров Mn^{2+} , которые после отжига образцов в водороде трансформировались в тригональные. Анализ спектра наших образцов выявил, по крайней мере, два типа центров ионов Mn^{2+} . Центры обоих типов имеют аксиальную симметрию, кубические центры не обнаруживаются. Параметр сверхтонкой структуры $A = 262$ МГц. Оценка концентрации парамагнитных ионов Mn^{2+} проведена относительно калибровочного образца с известной концентрацией ионов по методу, описанному в работе [28], и дает $c \approx 0.01$ ат. %. Таким образом, большая часть ионов марганца не наблюдается в ЭПР, что может быть обусловлено другой валентностью ионов. Наиболее вероятно наличие Mn^{3+} , который может иметь в основном состоянии синглет [29]. Это предположе-

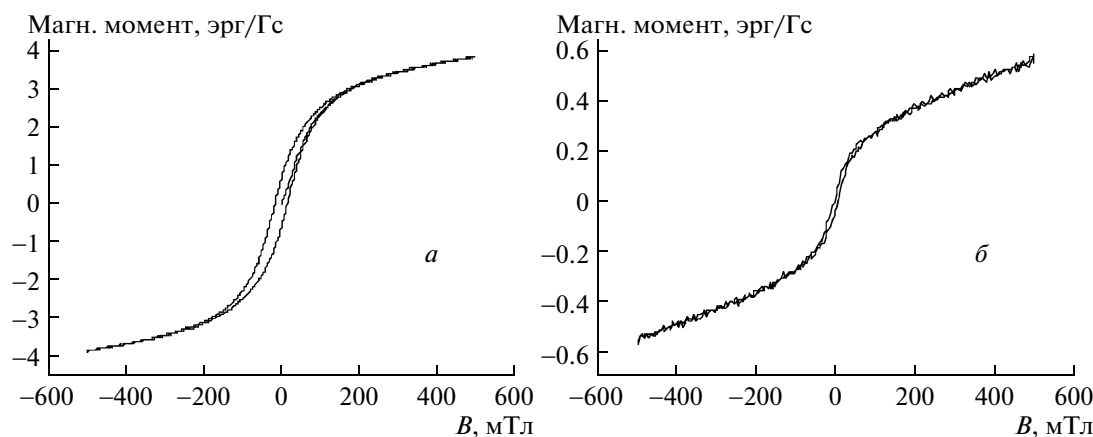

Рис. 3. Зависимости намагниченности от величины магнитного поля для образцов S1 (а) и S2 (б) с размером зерен порошка соответственно $d \approx 35$ нм и $d \geq 200$ нм

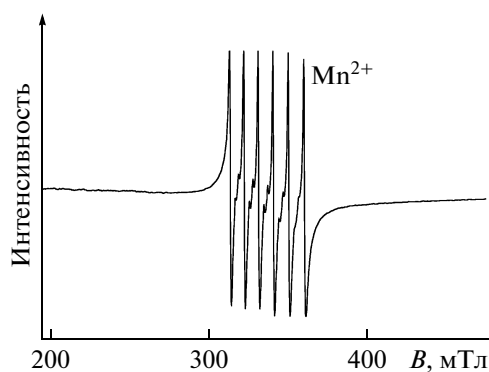

Рис. 4. Спектр ЭПР образца S1 (размер зерен порошка $d \approx 35$ нм), зарегистрированный при 80 К

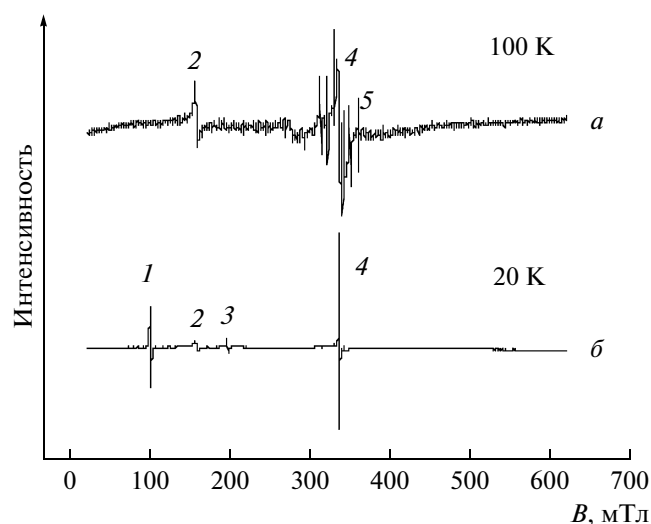

Рис. 5. Спектр ЭПР образца S2 (размер зерен порошка $d \geq 200$ нм) при температурах 100 К (а) и 20 К (б). 1 — $g = 6.76$, кубические центры Er^{3+} ; 2 — линия с $g = 4.28$; 3 — $g = 3.427$, кубические центры Yb^{3+} ; 4 — линия с $g = 2.003$; 5 — линии сверхтонкой структуры Mn^{2+}

ние согласуется с нашими результатами измерения спектров люминесценции.

Спектр ЭПР образца S2 сложнее, вид спектра существенно меняется при понижении температуры от 300 К до 10 К. Примеры спектров ЭПР при температурах 100 К и 20 К приведены на рис. 5.

Линия 2 спектра на рис. 5а с $g = 4.28$ может быть приписана ионам Fe^{3+} , так как линии с таким g -фактором часто наблюдаются в стеклах с примесью железа [30]. Эта интерпретация, однако, не согласуется с опубликованными ранее результатами [26, 31]. В порошках CeO_2 с примесью железа либо спектры ЭПР не наблюдались [31], либо в них были обнаружены только линии с $g \approx 2$, имеющие тонкую структуру ионов Fe^{3+} [26]. Поэтому для точной идентификации, необходимы дальнейшие эксперименты. Линия 4 с $g = 2.003$, по-видимому, обязана

электронам, локализованным в вакансиях, поскольку эта величина близка к g -фактору свободного электрона. С повышением температуры эта линия уширяется и не наблюдается при комнатной температуре. Шесть линий 5 характерны для ионов Mn^{2+} . В соответствии с нашей оценкой, концентрация ионов Mn^{2+} в образце S2 на два порядка меньше, чем в образце S1. Такая оценка согласуется с данными спектрально-люминесцентных исследований.

При понижении температуры до 20 К дополнительно к линиям 2 и 4 появляются линии 1 от кубических центров Er^{3+} ($g = 6.76$) с характерной сверхтонкой структурой от нечетного изотопа Er^{167} [32], линия 3 от кубических центров Yb^{3+} ($g = 3.427$) [33]. Концентрация редкоземельных ионов Er^{3+} и Yb^{3+} согласно нашим оценкам составляет не более 10^{17} см^{-3} .

Таким образом, результаты ЭПР-исследований показывают существенное различие в содержании Mn^{2+} в наноразмерном и субмикронном образцах при равном содержании марганца в обоих образцах. Поскольку величина концентрации Mn^{2+} в образце S1 довольно мала, эти ионы не могут быть причиной образования ферромагнетизма.

Этот вывод согласуется с результатами работы [34], в которой исследовались порошки диоксида церия со сравнимой с рассматриваемой нами концентрацией парамагнитной примеси. Однако примесь, включая немагнитную, может приводить к дополнительным дефектам в структуре в виде вакансий [35, 36], при этом больше вакансий возникает на поверхности частиц [36, 37]. В случае захвата электронов вакансиями возникают F^+ -центры, взаимодействие между которыми согласно модели FCE [11] может приводить к ферромагнетизму. ЭПР локализованных электронов в вакансиях исследован во многих системах и обычно представляет собой линию поглощения с $g \approx 2$. В спектре ЭПР образца S1 доминируют линии от Mn^{2+} , однако в центре спектра при низких температурах можно обнаружить слабую линию с $g \approx 2.003$, которая не наблюдается при комнатной температуре. В образце S2 также наблюдается линия с таким g -фактором, но значительно более интенсивная. Мы предполагаем, что эти линии относятся к центрам одного типа, а именно к F^+ -центрам. Уширение этих линий с повышением температуры, по-видимому, связано с локализацией центров вблизи ионов Ce^{3+} . Поскольку концентрация F^+ -центров в образце S1 меньше, чем в образце S2, их влияние на формирование ферромагнетизма не описывается моделью FCE. Наиболее подходящей моделью для объяснения наших результатов является теория, приведенная в работах [14, 15]. В этой модели существенным условием является наличие ионов с переменной валентностью, в качестве которых в CeO_2 могут быть ионы церия. Согласно теории STF, электроны ионов с переменной валентностью образуют зарядовый резервуар и обладают высокой подвижностью между состояниями, связанными с дефектами [14, 15]. В этом случае времена релаксации могут быть достаточно короткими, что

затрудняет наблюдение линий электронного магнитного резонанса, характерных для ферромагнитных наночастиц, экспериментально наблюдаемых и теоретически описанных, например, в работах [16, 17]. Таким образом, это обстоятельство является существенным аргументом в пользу модели STF.

Полученные результаты также согласуются с предположениями, выдвинутыми на основании расчетов DFT [10], что дефекты на поверхности наночастиц CeO_2 имеют решающее значение в формировании ферромагнетизма.

4. ВЫВОДЫ

Обнаружен ферромагнетизм при комнатной температуре в порошках диоксида церия с небольшим содержанием парамагнитных примесей. В порошке CeO_2 с субмикронным размером зерен ($\geq 200 \text{ нм}$) ферромагнетизм существенно слабее, чем в порошке с размером зерен около 35 нм. Наши результаты показывают, что парамагнитная примесь в небольшой концентрации ($\sim 0.1 \text{ ат. \%}$) не оказывает прямого влияния на формирование ферромагнетизма. Существенную роль в ферромагнетизме играют дефекты на поверхности частиц. Из анализа спектров ЭПР сделан вывод, что механизм формирования ферромагнетизма STF, предложенный в работах [14, 15] больше согласуется с полученными результатами, чем модель FCE [11].

Авторы благодарны А. А. Родионову за помощь в ЭПР-измерениях, Н. Г. Ивойлову за рентгенофлуоресцентный анализ образцов, А. Киямову за измерение дифракционных спектров, И. Н. Куркину за полезные обсуждения. Работа выполнена на оборудовании Федерального центра коллективного пользования Казанского федерального университета и частично за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения государственного задания в сфере научной деятельности, и субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

ЛИТЕРАТУРА

1. A. Trovarelli, *Catalysis by Ceria and Related Materials*, Imperial College Press, London (2002).

2. J. Kašpar, P. Fornasiero, and M. Graziani, *Catalysis Today* **50**, 285 (1999).
3. E. P. Murray, T. Tsai, and S. A. Barnett, *Nature* **400**, 649 (1999).
4. A. Corma, P. Atienzar, H. Garcia et al., *Nature Mater.* **3**, 394 (2004).
5. M. Das, S. Patil, N. Bhargava et al., *Biomaterials* **28**, 1918 (2007).
6. R. W. Tarnuzzer, J. Colon, S. Patil et al., *Nano Lett.* **5**, 2573 (2005).
7. A. Sundaresan, R. Bhargavi, N. Rangarajan, et al., *Phys. Rev. B* **74**, 161306 (2006).
8. V. Fernandes, R. J. O. Mossaneck, P. Schio et al., *Phys. Rev. B* **80**, 035202 (2009).
9. S.-Y. Chen, C.-H. Tsai, M.-Z. Huang et al., *J. Phys. Chem. C* **116**, 8707 (2012).
10. M. Y. Ge, H. Wang, E. Z. Liu et al., *Appl. Phys. Lett.* **93**, 062505 (2008).
11. J. M. D. Coey, M. Venkatesan, and C. B. Fitzgerald, *Nature Mater.* **4**, 173 (2005).
12. M. J. Calderón and S. Das Sarma, *Ann. Phys.* **322**, 2618 (2007).
13. H. Bednarski, *J. Magn. Magn. Mater.* **349**, 281 (2014).
14. J. M. D. Coey, K. Wongsaprom, J. Alaria et al., *J. Phys. D: Appl. Phys.* **41**, 134012 (2008).
15. J. M. D. Coey, P. Stamenov, R. D. Gunning et al., *New J. Phys.* **12**, 053025 (2010).
16. M. M. Noginov, N. Noginova, O. Amponsah et al., *J. Magn. Magn. Mater.* **320**, 2228 (2008).
17. N. Noginova, T. Weaver, E. P. Giannelis et al., *Phys. Rev. B* **77**, 014403 (2008).
18. M. Fittipaldi, L. Sorace, A. L. Barra et al., *Phys. Chem. Chem. Phys.* **11**, 6555 (2009).
19. K. Misra, S. I. Andronenko, M. H. Engelhard et al., *J. Appl. Phys.* **103**, 07D122 (2008).
20. S. K. Misra, S. I. Andronenko, J. D. Harris et al., *J. Nanosci. Nanotechnol.* **13**, 6798 (2013).
21. F. Zhang, Q. Jin, and S.-W. Chan, *J. Appl. Phys.* **95**, 4319 (2004).
22. A. H. Morshed, M. E. Moussa, S. M. Bedair et al., *Appl. Phys. Lett.* **70**, 1647 (1997).
23. G. Fei, L. Guo-Hua, Z. Jian-Hui et al., *Chin. Phys. Lett.* **18**, 443 (2001).
24. A. Masalov, O. Viagin, P. Maksimchuk et al., *J. Lumin.* **145**, 61 (2014).
25. G. Qi and R. T. Yang, *J. Phys. Chem. B* **108**, 15738 (2004).
26. J. Prohaska, M. Trömel, and H. Rager, *Appl. Magn. Res.* **5**, 387 (1993).
27. R. S. de Biasi and M. L. N. Grillo, *J. Phys. Chem. Sol.* **64**, 1365 (2003).
28. J. P. Wolfe and C. D. Jeffries, *Phys. Rev. B* **4**, 731 (1971).
29. A. Abragam and B. Bleaney, *Electron Paramagnetic Resonance of Transition Metal Ions*, Clarendon, Oxford (1970).
30. Я. Г. Клява, *ЭПР-спектроскопия неупорядоченных твердых тел*, Зинатне, Рига (1988), с. 216 [Ya. G. Klyava, *Electron Paramagnetic Resonance Spectroscopy of Disordered Solids*, Zinatne, Riga (1988), p. 216].
31. M. Figaj and K. D. Becker, *Sol. St. Ionics* **141**, 507 (2001).
32. R. M. Rakhmatullin, I. N. Kurkin, V. V. Pavlov et al., *Phys. Stat. Sol. B* **251**, 1545 (2014).
33. Y. Komet, W. Low, and R. C. Linares, *Phys. Lett.* **19**, 473 (1965).
34. Y. Liu, Z. Lockman, A. Aziz et al., *J. Phys.: Condens. Matter* **20**, 165201 (2008).
35. M. D. Krcha and M. J. Janik, *Langmuir* **29**, 10120 (2013).
36. X. Chen, G. Li, Y. Su et al., *Nanotechnology* **20**, 115606 (2009).
37. D. G. Pintos, A. Juan, and B. Irigoyen, *J. Phys. Chem. C* **117**, 18063 (2013).